

О З О
А Т
Б Н
О О
Т Ш
Л Е
И Н
В И
О И
М

Старик вышел во двор. Рэсэн настроил оптический прицел и передернул затвор. Щелчок патрона, скользнувшего на место, прозвучал слишком громко. Рэсэн осмотрелся. Все замерло, вокруг лишь безучастные ко всему высокие, устремленные в небо пихты. Какой тихий лес! Ни птичьих трелей, ни шороха насекомых в траве. Звук выстрела в таком лесу разнесется далеко. А если на выстрел сбегутся люди? Но Рэсэн быстро сообразил, что волнуется зря. Выстрелы тут не редкость. Да и кто полезет в такую чащу лишь для того, чтобы узнать, почему стреляли? Спишут на браконьеров, охотящихся на кабана. Рэсэн бросил взгляд в сторону горы на западе. Солнце висело в одной пяди от верхушки. Время еще есть.

Старик поливал из лейки цветы на клумбе. Одним цветам он давал больше воды, другим чуть меньше. Поливал с любовью, отточенными движениями, словно проводил чайную церемонию. Иногда старик слегка покачивал головой и поводил плечами, будто танцевал, тянул руку к лепесткам. По-дружески помахивал цветам и даже улыбался им. Казалось, он ведет с ними приятную беседу.

Рэсэн отрегулировал прицел, чтобы получше рассмотреть цветок, к которому обращался старик. Вполне обычный цветок, много раз такой видел, название только забыл. Рэсэн попытался вспомнить, какие растения цветут в октябре. Космея, цинния, златоцвет... Однако ни одно название не подходило цветку, что сейчас смотрел на него в перекрестии прицела. Интересно, почему в памяти не сохранилось его название? Рэсэн прищурился, старательно перебирая ботанические термины, но тут же тряхнул головой. Какая разница, что это за цветок?

С дальней стороны двора к старику медленно брел черный пес, подошел, потерся головой о бедро. По виду чистокровный мастиф. Собаки этой породы сопровождали Цезаря в его военных походах на Британию. Мастифы помогали римлянам охотиться на диких лошадей и львов. Старик погладил пса по голове, тот завилял хвостом, принялся мотаться вокруг хозяина, мешая поливать цветы, тогда старик подобрал сдутый футбольный мяч и швырнул в угол двора. Размахивая хвостом, пес кинулся за мячом, а старик снова взялся за лейку. Возобновил общение с цветами, покачивал рукой, что-то говорил. Вернулся пес с мячом. Старик бросил мяч в другую сторону, дальше, чем первый раз. Пес потрусил за игрушкой. Когда-то собаки этой породы охотились на львов, а теперь ведут себя как глупые дворняги. Но этот старик и эта собака подходили друг дружке. Снова и снова они повторяли одно и то же, и им явно не надоедало. Похоже, этой парочке нравилась такая незатейливая игра.

Закончив поливать цветы, старик распрямылся и улыбнулся, довольный. Внезапно он посмотрел на склон горы, будто догадывался, что там притаился

Рэсэн. Он улыбался прямо в перекрестие прицела. Знает ли он, что солнца ему осталось не более чем на одну пядь? Знает ли он, что умрет прежде, чем солнце спрячется за гору? А может, потому и улыбается, что знает? Или он все-таки не улыбается? Улыбка на лице старика была какая-то застывшая, точно на традиционной маске Хахве*. Есть люди с такими лицами. И никто никогда не понимает, что человек прячет за этой улыбкой. Даже когда человек грустит или злится, улыбка не сходит с такого лица.

Не нажать ли на спусковой крючок прямо сейчас? Тогда он наверняка успеет вернуться в город до полуночи. Наполнит ванну горячей водой и будет нежиться, пить пиво из банки, пока хмель не ударит в голову. И можно включить проигрыватель, поставить пластинку “Битлз” и наслаждаться, строя под музыку планы, обдумывая, куда вложить деньги, которые скоро поступят на его счет. Ведь на этом можно и остановиться, покончить с этой работой, начать другую жизнь. Открыть, например, пиццерию рядом с женской гимназией или завести лоток с сахарной ватой в парке. Рэсэн представил, как раздает детям воздушные шарики и сахарную вату, а затем сладко дремлет, сморенный солнцем. Действительно, почему бы не жить вот так? Наверное, чудесная жизнь. Впрочем, о будущем он подумает после того, как выстрелит. Старик пока жив, и деньги на счет пока не поступили.

Тень от горы быстро ползла вниз. Если уж нажать на спусковой крючок, то прямо сейчас. Старик уже закончил поливать цветник и вот-вот скроется

* Традиционные маски деревни Хахве (провинция Южная Кёнсандо), в которых совершаются танцевальные представления в масках. — *Здесь и далее примеч. перев. и ред.*

в доме. Если промедлить, то дело осложнится. Чего тут еще размышлять? Сейчас. И потом спуститься с горы.

Старик улыбался, а черная собака трусила к нему, держа в зубах спущенный мяч. В центре перекрестья возникло четкое лицо старика. На лбу три глубокие морщины, над правой бровью бородавка, на левой щеке пигментные пятна. Рэсэн перевел прицел на грудь старика, туда, где находится сердце, которое сейчас пробьет пуля. Белый свитер старика, похоже, связан вручную, явно не фабричный. Этот свитер вот-вот пропитается кровью. Стоит только легонько нажать на спусковой крючок, и ударник разобьет капсюль патрона калибра 7,62, порох взорвется и пуля, проскользнув по нарезам, закрутится в стволе, набирая скорость, и устремится в сердце старика. У патронов калибра 7,62 большая начальная скорость пули и хорошая разрушительная сила, поэтому пуля пройдет сквозь тело, превратит внутренние органы старика в месиво и вылетит, пробив дырку в спине, из которой начнут вываливаться внутренности. Рэсэн представил картину, и ему показалось, что на теле поднялись все волосы. Он всегда испытывал странное чувство, когда кто-то находился на грани жизни и смерти и судьба человека зависела от движения его пальца. Сейчас. Нажать на спусковой крючок. Но Рэсэн почему-то не выстрелил и опустил винтовку.

— Сейчас не то время, — пробормотал он.

Он не мог объяснить, почему не то время. Каждому делу обязательно соответствует определенное время. Например, в этот час хорошо съесть мороженое, а в тот — поцеловаться. Может, звучит и смешно, но, наверное, есть правильный момент и для

того, чтобы нажать на спусковой крючок, и правильный момент для того, чтобы пуля пронзила сердце. Почему бы и нет? Если бы Рэсэну повезло с таким моментом и пуля полетела бы прямо в сердце старика, все получилось бы как надо. Конечно, это не значит, что он ждет именно такого идеального шанса. Возможно, удачный момент вообще никогда не наступит. Но даже если удача вдруг привалит, он может не понять, что пришло то самое правильное время, и момент будет упущен. Рэсэн понял, что сейчас ему попросту не хочется стрелять. Он не знал почему, но вот так уж получилось. Рэсэн положил оружие на землю и закурил. Тень от горы напозала на дом старика.

Когда опустились сумерки, старик и собака скрылись в доме. Судя по оставшимся темными окнам, электричества там не было. Замерцал огонек свечи, однако разглядеть через оптический прицел, что происходит в доме, Рэсэн толком не мог. Видел лишь, как на стене из красного кирпича мелькают огромные тени старика и собаки. Из позиции, которую занимал Рэсэн, попасть в старика теперь нельзя, если только тот не подойдет к окну со свечой в руке.

Солнце скрылось за горой, и лес тут же окутала темнота. Луна еще не взошла, вокруг не было видно ни зги. Лишь в доме старика мерцал слабый свет. Ночь плотно окутала лес тяжелой влажной завесой. Рэсэн спросил себя, почему он все сидит в этой крошечной темноте и не может ни на что решиться. Ладно, подождет рассвета. Да, так будет лучше. Станет светло, вот тогда и выстрелит. Выпустит пулю, как делал много раз, словно выстрелит по деревянной мишени, и истории конец. Рэсэн сунул окурок

в карман и забрался в палатку. Заняться было нечем — какие занятия могут быть в таком месте? — поэтому он достал печенье, съел, потом залез в спальный мешок, накрылся с головой и тут же уснул.

Проснулся Рэсэн часа через два. Его разбудил громкий шелест. Кто-то уверенно двигался по траве прямо к палатке. Звуки были тяжелые. Землю явно топтали несколько существ. Вот они вломились в кусты. Рэсэн не мог взять в толк, кто может издавать такие звуки. Кабан? Рысь? Он передернул затвор и направил ствол в темноту, навстречу опасности. Нажимать на спусковой крючок еще нельзя. Бывает, солдаты-наемники, сидящие в засаде, стреляют в темноту, не убедившись, что к ним приближается именно враг. Все из-за страха. А потом оказывается, что жертвой стал олень или полицейская собака, а то и собрат по оружию, заблудившийся во время патрулирования. И позже эти наемники, здоровенные парни в татуировках, рыдают, точно маленькие дети, над трупом убитого ими солдата и скулят перед начальством: “Я не видел другого выхода, вот и выстрелил”. Да, возможно, выхода и впрямь не было. Эти мускулистые здоровяки прежде ведь не сталкивались с надвигающимся на них, наводящим страх неведомым, вот и оставалось только что палить во тьму. Рэсэн же спокойно ждал, пока, к его изумлению, из темноты не вынырнули старик и черная собака.

— Что ты здесь делаешь? — спросил старик.

Однако, ситуация. Мишень сама подходит и спрашивает, почему он до сих пор не выстрелил в нее. Просто смех!

— Это я вас хочу спросить, что вы здесь делаете. Я чуть было не выстрелил, — ответил слегка взвинченный Рэсэн.

— Чуть не выстрелил? Надо же! Вор обвиняет хозяина, которого обокрал! Эта земля — моя собственность. Вот и выходит, что ты явился в чужой дом и устроился на ночлег.

Старик проговорил это с улыбкой. Снисходительной улыбкой. Несмотря на необычность ситуации, волнения не чувствовалось. Чего не скажешь о растерявшемся Рэсэне.

— Я думал, это дикий зверь. Как тут не испугаться?

— Так ты охотник? — Старик посмотрел на винтовку.

— Да.

— Старая модель винтовки Драгунова. Думал, такие только в военных музеях остались. Так что, нынче охотятся с оружием времен Вьетнамской войны?

— Лишь бы зверя убить, а уж каким оружием, неважно, — ответил Рэсэн спокойно.

— Да, лишь бы убить зверя. Какая разница чем — зубочисткой или палочками для еды, да? — рассмеялся старик.

Черный пес смиренно стоял рядом с хозяином. Он был намного крупнее, чем представлялось Рэсэну, когда он наблюдал за зверем через оптический прицел. Сейчас пес смотрелся куда внушительнее, чем днем, когда носился за сдутым футбольным мячом.

— Хорошая собака, — сменил тему Рэсэн.

Старик посмотрел на пса, погладил по голове.

— Хороший. Это он тебя нашел. Вот только старый уже.

Черный пес не сводил глаз с Рэсэна. Он не рычал и не выказывал враждебности, но и симпатий к Рэсэну тоже, очевидно, не питал. Старик легонько потрепал собаку по голове.

— Если уж ты собрался ночевать тут, то не лучше ли отдохнуть в моем доме? Зачем лежать в холодной палатке и мокнуть от росы?

— Спасибо за приглашение, но мне не хочется доставлять вам неудобства, — сказал Рэсэн.

— Никаких неудобств.

И старик двинулся вниз по склону. Черный пес потрусил следом. По невидимой во тьме тропинке старик шел очень уверенно даже без фонарика. Рэсэн не сразу смог решить, как ему поступить. Оружие взведено, мишень в пяти метрах. Рэсэн смотрел на спину старика, мелькавшую в темноте. Через минуту он закинул винтовку на плечо и последовал за ним.

В доме было тепло. Горел огонь в камине, встроенном в стену из красного кирпича. Из обстановки был лишь чуточку потертый ковер перед камином да маленький журнальный столик. На камине — фотографии в рамках. На снимках старик сидел или стоял в центре группы людей, замерших вокруг него с напряженными улыбками, которые словно говорили, что людям выпала большая честь фотографироваться со стариком. И никаких семейных фотографий.

— Да вы уже и огонь развели, — проговорил Рэсэн.

— Старые люди вечно мерзнут. По-моему, никогда еще мне не было так холодно, как в этом году.

Старик подбросил поленья в камин, прибив языки пламени. Рэсэн снял винтовку с плеча и неловко поставил рядом с дверью. Старик бросил взгляд на оружие.

— Вообще-то, октябрь на дворе. Разве сейчас охота не запрещена, нет?

Последнее слово прозвучало слегка игриво. С самого начала старик обращался к Рэсэну на “ты”, будто давно с ним знаком. Однако Рэсэна его фамильярность не коробила.

— Если соблюдать все эти законы, можно остаться голодным, — ответил Рэсэн.

— Ну да. Все законы соблюдать не стоит. Их только дураки соблюдают.

Старик сказал это тихо, себе под нос. Он пошуровал кочергой в камине, и пламя тут же разгорелось. Подброшенные поленья уже занялись, огонь набросился на них с удвоенной силой.

— У меня есть чай и кой-чего покрепче. Что будешь пить? — спросил старик.

— Пожалуй, я предпочту чай, — ответил Рэсэн.

— Замерз, наверное. Может, лучше покрепче, согреешься?

— Во время охоты не пью. К тому же пить перед сном в лесу опасно, недолго замерзнуть.

— Ну, тогда сегодня ты можешь себе позволить. В моем доме от холода не умрешь. — И старик улыбнулся.

Он принес из кухни два жестяных стакана и бутылку виски. Затем щипцами осторожно взял чайник за ручку, вытащил из камина и аккуратно разлил кипяток по стаканам. Каждое его движение было выверенным, четким. Когда черный чай заварился,

старик передал стакан Рэсэну, а в свой плеснул виски.

— Если замерз, всегда хорошо добавить в чай виски. А до рассвета ты ведь все едино не выйдешь на охоту.

— Разве виски добавляют в черный чай? — спросил Рэсэн.

— А почему нет? Никто не запрещает.

И старик подмигнул ему. Рэсэн отметил, что черты лица у старика благородные, наверняка в молодые годы был красив. Правильные черты и доброжелательное выражение. Прежде лицо было, конечно, живее и выразительнее, зато с возрастом обрело мягкость. Рэсэн протянул свой жестяной стакан, и старик плеснул ему виски. От чая поднялся приятный дух. Старый пес, до того сидевший в углу комнаты, встал, не спеша подошел к столу и улегся у ног Рэсэна.

— Ты хороший человек.

— Что?

— Видишь, ты понравился Санте. Старые собаки всегда чуют хороших людей. — И старик глазами указал на тихо лежащую собаку.

Теперь Рэсэн мог рассмотреть пса вблизи. Несмотря на устрашающие размеры, у Санты были необыкновенно добрые глаза.

— Может, он так решил по глупости? — возразил Рэсэн.

— Да неужели? — Бросив косо́й взгляд на гостя, старик отхлебнул из стакана.

Рэсэн тоже попробовал.

— Приятный вкус!

— Неожиданный, да? Виски можно добавлять и в кофе, но в чай лучше. И тело хорошо согрева-

ет, и душу смягчает. Такое ощущение, будто обнимаешь красивую женщину. — Старик по-детски хихикнул.

— Да что вы такое говорите. Разве можно черный чай, пусть даже сдобренный виски, сравнить с женщиной? По мне, так красивая женщина гораздо лучше, — сказал Рэсэн.

Старик кивнул:

— Ладно, согласен. Как бы чай ни был хорош, с доброй женщиной ему не сравниться.

— Но все равно очень вкусно. Такой чай запомнится надолго.

— В черном чае имперский дух. Оттого у него такой приятный сладковатый вкус. Такую нежную сладость дают чему угодно смерть, убийства, жестокие убийства, много жестоких убийств.

— Интересная у вас логика.

— Кстати, на ужин у меня картошка и свинина. Будешь?

— С удовольствием, — согласился Рэсэн.

Старик вышел из дома и вскоре вернулся с куском копченого мяса вида весьма непривлекательного и несколькими картофелинами. Черное мясо было каким-то грязным, будто припорошенным пылью, кое-где торчала щетина. Казалось, от него и тухлятинкой пованивает. Старик обвалял мясо в золе, насадил на шампур и повесил над огнем. Затем пошурдил кочергой в камине и положил в угли картошку.

— Не самый аппетитный способ готовить, — заметил Рэсэн.

— Мне однажды довелось побывать в Перу, там я и научился этому способу у местных индейцев. Возможно, выглядит и не очень приятно, но вкус у мяса получается отменный.

— Понятно. Значит, не надо судить о вкусе по виду. Раз уж это рецепт индейцев, то мясо наверняка получается восхитительным.

— Я только на днях понял, — ответил старик с легкой улыбкой, — что общего между мной и перуанским индейцем.

— И что же?

— Ни у меня, ни у индейца нет холодильника.

Старик время от времени то переворачивал мясо, то длинной кочергой тыкал в картошку, проверяя ее готовность. Огонь освещал его лукаво-серьезное лицо. Слышалось бормотание: “Поскольку пришел дорогой гость, то и ты, картошечка, должна хорошо испечься, чтобы гостю вкусно было”. Пока мясо поджаривалось, старик допил чай, налил себе виски и предложил гостю. Рэсэн протянул свой стакан. Виски обдирал горло и, добравшись до пустого желудка, возвращался терпким послевкусием. Алкоголь приятно разливался по телу, расслабляя и согревая. Ситуация, в которой он оказался, представилась Рэсэн до смешного нереальной: у камина за приятной беседой сидят объект убийства и убийца. Старик продолжал поворачивать вертел с мясом, и аппетитный запах плыл по комнате. Черный пес, приняв хавшись, встал и подошел к камину, но из-за жара не решился подобраться к мясу поближе и жалобно заскулил. Боится огня.

— Тихо, Санта. Получишь и ты свою долю, не волнуйся, — сказал старик, поглаживая собаку по холке.

— Пса зовут Санта?

— Да, мы с ним познакомились на Рождество. Он тогда потерял хозяина, а я — ногу. — Ста-

рик приподнял левую штанину и показал протез. — Он спас меня, тащил по снегу почти пять километров.

— Наверное, судьба вас свела.

— Санта — самый прекрасный подарок, который я когда-либо получал на Рождество! — Старик потрепал собаку по голове.

— Вид у него устрашающий, но, судя по всему, характер спокойный...

— Он не всегда был таким. Прежде бросался на людей, да так, что приходилось сажать его на цепь. Но со временем утихомирился. Все еще не могу к этому привыкнуть... Наверное, животные меняются, когда долго живут с человеком.

Мясной дух дразнил, щекотал ноздри. Старик проверил, со всех ли сторон прожарился кусок, и снял вертел с огня. Затем ножом с зубцами разрезал мясо на три толстых ломтя, положил один Рэсэну, другой — себе, третий отдал Санте. Рэсэн соскреб золу и откусил солидный кусок.

— Необычно. Совсем не напоминает свинину.

— Правда, вкусно?

— Вкусно. А соли у вас нет?

— Соли нет.

— Как вы обходитесь без холодильника, без соли? Не каждый смог бы так жить. А перуанские индейцы тоже мясо едят без соли?

— Да нет. У меня была соль. Просто закончилась, — сказал старик смущенно.

— А вы охотитесь?

— Да, раньше охотился. Но нынче уже нет. Где-то месяц назад нашел в лесу угодившего в капкан кабана. Браконьеры здесь промышляют. Зверь был еще жив. Посмотрел я, как тяжело он дышит, и задумался,

что же мне с ним делать. Добить или подождать, пока сам сдохнет? Выходило так: если ждать его смерти, то ответственность за это ляжет на браконьеров, если же добыю сам, то, значит, я хочу поживиться чужим мясом. Что бы ты выбрал на моем месте? — Старик как-то странно улыбнулся, нельзя было понять, что у него на уме.

Рэсэн повертел в руках жестяной стакан, выпил.

— Не знаю даже. Разве это так важно, кто убил кабана?

Старик молчал, о чем-то думая. Через какое-то время снова заговорил:

— Да, действительно. Теперь и я так считаю: не столь важно, кто его убил. В любом случае мы сейчас с тобой едим вкусное кабанье мяско. Ну прямо как индейцы.

Старик громко засмеялся. Рэсэн поддержал его. Шутка вышла не особо смешной, но старик все хохотал, и Рэсэн, заразившись его смехом, тоже долго не мог остановиться.

Видимо, хозяину дома стало совсем хорошо. Он налил Рэсэну виски до самых краев, наполнил и свой стакан. Они чокнулись и выпили. Старик взял кочергу и достал из золы пару картофелин. Откусил от одной и сказал:

— Хорошо испеклась! — И передал другую Рэсэну.

Тот очистил картошку от золы, попробовал и подтвердил:

— И правда, испеклась превосходно!

— Зимой я только картошку и ем. Зимой нет ничего лучше доброй картошечки, — проговорил старик.

— Как увижу картошку, так сразу вспоминаю одного человека, — неожиданно сказал Рэсэн, покрасневшийся от тепла и виски.

— Я уже понимаю, что он бедный, этот человек.

— Да, бедный.

— Он жив или уже мертв?

— Мертв. В свое время я служил в Африке, и вот как-то среди ночи нас внезапно подняли по тревоге. Мы сели в грузовик, приехали на место и увидели, что боевик из террористической группы, сбежавший из плена, взял в заложницы старуху. Боевик тот был совсем мальчишка, лет четырнадцати-пятнадцати. Взвинченный до предела, сам не свой от паники, но особой опасности для нас не представлял. Старуха все что-то говорила и говорила ему, а он одной рукой держал автомат, уткнув ствол ей в голову, другой же торопливо запихивал в рот картошку. Мы понимали, что ничего опасного не произойдет. Однако по радиации передали приказ уничтожить его. Через несколько секунд кто-то нажал на спусковой крючок. Мы подбежали к пареньку и увидели, что пуля разнесла ему половину головы, обнажилась глотка, забитая картошкой, которую он не успел проглотить.

— Бедный! Наверное, очень голодный был.

— Я смотрел на разнесенный череп африканского мальчика, на его глотку, забитую картошкой, и думал: “Ну что стоило подождать с выстрелом хотя бы секунд десять? Тогда, может, он успел бы проглотить картошку до того, как умереть”. Меня иногда посещают такие вот странные мысли.

— А что изменилось бы, если этот бедный африканский мальчик успел бы проглотить картошку?